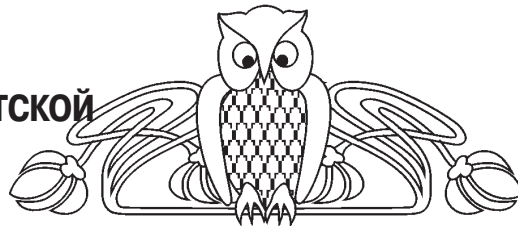

УДК 821.161.109-32+929Гиппиус

ТЕМА НОСТАЛЬГИИ И ОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИИ В РАССКАЗАХ З. ГИППИУС ЭМИГРАНТСКОГО ПЕРИОДА

Д. Е. Костенко

Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь
E-mail: gurmandiza@mail.ru

Статья представляет собой попытку литературно-критического и философского осмысления характерных особенностей малой прозы З. Гиппиус периода эмиграции. Особое внимание уделяется теме ностальгии и роли «маленького человека» в большевистской России.

Ключевые слова: Гиппиус, ностальгия, литература русского зарубежья, творчество писателей-эмигрантов.

Nostalgia Theme and Reflection on the Role of the 'Little Man' in the Bolshevik Russia in the Stories of Z. Gippius in the Émigré Period

D. E. Kostenko

The article represents an attempt of a literary, critical, and philosophical evaluation of the characteristic features of the short fiction written by Z. Gippius in emigration. Special attention is given to the theme of nostalgia and to the role of the 'little man' in the Bolshevik Russia.

Key words: Gippius, nostalgia, literature of the Russian emigre, oeuvre of emigre writers.

DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-4-82-85

Литературное наследие З. Гиппиус в эмиграции представляет собой несколько десятков рассказов, авторский сборник «Мемуары Мартынова», два тома воспоминаний «Живые лица», два сборника стихов, большое количество литературной и политической публицистики (статьи, письма, речи), дневниковые записи.

З. Гиппиус продолжает в эмиграции русскую литературную традицию, отдавая дань каноническим формам поэзии и прозы, однако характер ее размышлений теперь в большей степени сводится к сублимации собственных экзистенциальных переживаний, связанных с тоской по оставленной родине.

Квинтэссенцией ее творчества становятся темы ностальгии и судьбы «маленького человека» в большевистской России, его переживаний и роли в новом «страшном» мире. Ключевые персонажи ее рассказов – часто сами русские эмигранты, их удачные или, напротив, провальные попытки интегрироваться в чужую действительность.

Вопреки сложившемуся мнению о Зинаиде Гиппиус как об авторе, пишущем преимущественно «сухим» языком, мы относим эту характеристи-

ку скорее к ее поэтическому творчеству. В художественной прозе она всегда раскрывалась иначе. В малой прозаической форме З. Гиппиус предстает перед читателем личностью чувствительной, полной неподдельного интереса и внимания к людям. Здесь она – скорее собеседник, нежели наблюдатель, а если наблюдатель, то отринувший всякую манерность и позирование.

Наиболее органичная для Гиппиус прозаическая форма – рассказ – по-новому воплотилась в ее эмигрантском творчестве. Через призму собственных переживаний, надежд, воспоминаний она пытается увидеть и в определенной мере даже предсказать общие для ее среды настроения.

В эмигрантской прозе Гиппиус мы, прежде всего, отмечаем усиление лирических, иррациональных настроений. Для нее всегда было характерно неразделение обыденного (человеческого) и запредельного (божественного). Она часто обращалась к тайне человеческой души, которая прислушивается к «небесным словам» (название рассказа Гиппиус), которая в священном трепете застывает на пороге иного мира (мсье Жорж в рассказе «Вне времени»). Будучи одной из центральных фигур Серебряного века русской литературы и религиозного возрождения начала века, Гиппиус, как и другие символисты, отвергает позитивизм и материализм, в том числе и применительно к проблемам литературы и искусства в целом.

Чувство некоей прямолинейности, присущее прозе Гиппиус в последние годы в Петербурге, в эмиграции постепенно смягчается. «Рассказы, в сравнении с написанными в России, заметно “по-теплели”, главная их тема – русские без России, о соотечественниках, как и она, оставшихся без родины и живущих на чужих берегах с незаживающей раной в сердце»¹. Ощущение непоправимой утраты и безысходности, бессмысленности дальнейшего существования с особой наглядностью воплощается в острой и животрепещущей теме «художник без России». О том факте, что творчество вне России представлялось Гиппиус большой проблемой, свидетельствует и то, что продуктивность ее творчества в эмиграции была, несомненно, ниже, чем на родине.

Основная тональность эмигрантской прозы Гиппиус становится мягче, печальнее. Она пишет о своих персонажах как о людях с незаживающей раной на сердце. Невозможность переключить сознание на новый лад, отказаться от корней, от собственных традиций и привычного уклада жизни мы наблюдаем, например, в рассказе

«Новая жизнь», для героя которого эта «новая жизнь» – ненастоящая, подлинная же осталась там, в прежней России. На чужбине он чувствует себя брошенным на произвол судьбы по велению злого рока. Он представляет окружающих его иностранцев, чужих и непонятных, оборотнями, только прикидывающимися людьми.

В рассказе «Как ему повезло» главный герой Никита Иванчук, бывший солдат, попадает в Париж и остается там, «пока все не кончится». Для него действительность – положение эмигранта, работа таксистом – представляется неким перевалочным пунктом, временной мерой и роковой случайностью, которая непременно, рано или поздно, станет лишь воспоминанием. Отношение Никиты к французам – насмешливое, в чем-то снисходительное и поучающее. Эти люди для него такие же «ненастоящие», как и действительность, в которой он живет. И «язык у них по-христиански не ворочается», и праздники «празднуют не по-людски». Местные привычки и традиции, с которыми он знакомится, кажутся ему дикими, чужими и непонятными. Герой плывет по течению, и даже женитьба, несмотря на то что в России у него остались супруга и сын, воспринимается им как нечто «незавправдашнее». О своем ребенке, который появляется у него в Париже, он тоже думает – «ненастоящее дите». На любые проблемы понимания того, что нынешняя жизнь – и есть та самая, настоящая, и она давно идет, и вряд ли стоит думать о возвращении, герой сам себе повторяет: «Вот, кончится все, тогда...» Спустя несколько лет, как мы понимаем из повествования, героя одолевает смутное и непонятное чувство – будто хочется «всю душу из себя вымотать». Он начинает видеть сны о своих русских жене и ребенке, о прошлом и, как нам видится, понимает, что уже бесповоротно устроился в новой, «ненастоящей», жизни. Он чувствует жгучую ненависть к родственникам своей жены – французам, не может спокойно видеть их веселье и слышать разговоры, ему противны их «устрицы черные из соломы», «пированья» и «ненастоящее» Рождество. Напившись шампанского, Никита начинает скандалить и угрожать гостям, плакать, пока жена не уводит его спать. С чувством глубокой тоски герой осознает полную неизвестность того, «что, чем и когда кончится».

Болезненная ностальгия – несомненно, отражение чувств самого автора. Гиппиус понимает, что точно так же тысячи эмигрантов – ее соотечественников – живут блаженным самообманом: «вот, кончится, и тогда...», но в глубине души сознают, что жизнь вряд ли уже изменится кардинальным образом, что шансы на возвращение ничтожны.

Несмотря на прежнее негативное отношение Гиппиус к традиционной Русской православной церкви, теперь ее представители – монахи, священники, да и в целом русское духовенство, сохранившее верность Истине, моральным прин-

ципам и духовным обрядам, уже не вызывают у писательницы критических чувств, а предстают образцом веры, мужества, праведными страдальцами за идею, не подчинившимися «бесам». Так, в рассказах «До воскресенья» и «Со звездой» Гиппиус буквально склоняется перед своими героями в земном поклоне, отдавая дань их мужеству и силе веры.

В рассказах эмигрантского периода Гиппиус настойчиво проводит сопоставление между национальными характерами русских и французов, неизменно подчеркивая самобытность первых. Иностранцев «загадочно-славянская душа» удивляет и своими идеями, и моральными принципами. На таком сопоставлении построены несколько рассказов: «Таинственный американец», «Как ему повезло», «Ваня и Мэри», «Параллели» и др. Глубину внутреннего мира персонажей выявляет их активное включение или, напротив, нежелание интегрироваться в новую, чужеродную среду. Закономерно, что акцент делается на конфликте не только и не столько социальном, сколько внутреннем, экзистенциальном. Полное отсутствие гармонии со «средой» и внутреннее томление характеризуют персонажа рассказа «До воскресенья»: «Я и здесь-то осел, хотя трудно было устроиться, потому что здесь храм. Но скажу вам по секрету: в здешнем храме не все мое сердце. Слишком хорошо поют на рю Дарю»².

Зато герой рассказа «Метаморфозы» становится человеком, вполне вписавшимся в европейскую буржуазную реальность, абсолютно чуждым всякого рода «метафизике» и мыслям о возрождении ушедшей России. Встретив его во второй раз, рассказчик отмечает: «Не тот, прошлогодний старик, а настоящий: солидный, крупный мужчина, с брюшком даже, бритый, славно одетый. И громогласный. Ей-Богу, совсем тот журналист в Петербурге: был, пропал – и воскрес»³. То же и с сыном героя – в прошлом комсомолец, он теперь представляет собой типичного молодого парижанина, причем перемены затронули не только внешность, они чудовищным образом переменили его личность: «Не подавая руки отцу, но кивнув мне головой, он уселся за наш столик. Крикнул что-то проходящему гарсону – и с какой неприужденной манерой! Да, способный мальчик»⁴.

Утрата родины, по Гиппиус, неизбежно или почти неизбежно ведет либо к потере всякой надежды, а соответственно, и смысла существования, либо к отчаянной попытке сжиться с действительностью, отринув все принятые ранее духовные и моральные устои. Все эти размышления обретают в прозе Гиппиус характерные лирические ноты, не лишённые и грустной иронии, и трагического пафоса. Новый, на уровне чувств, иррациональный способ познания мира теперь характеризует прозу писательницы. В противовес присущему Гиппиус до революции логическому, аналитическому подходу к построению текста, в эмигрантских рассказах появляются мотивы

провидения, рока, предопределенности судьбы.

Авторский сборник рассказов «Мемуары Мартынова», написанный в период с 1927 по 1934 г., также представляет собой рассуждения, навеянные темой ностальгии и тоской по ушедшей России. Рациональное, логичное теперь становится предметом иронии и насмешки, внутренняя речь героя несвязна, алогична, почти «поток сознания»: «Есть тут речь о любви, подумаешь, обыденщина, банальность: дама на склоне, я свеженький мальчик, ну и конечно. Тут я влез в свой полный реализм, но вдруг опомнился: ничего еще нет, во-первых; может быть, она и не думает?.. Во-вторых, я все-таки не знаю, как буду себя с ней вести, если?.. В-третьих – она меня волнует, это факт»⁵.

Следы былого рационализма обнаруживают себя в этом сборнике предельно четким композиционным построением. И хотя в «Мемуарах Мартынова» можно заметить некоторые внешние совпадения с дореволюционным романом «Чертova кукла», эти произведения принципиально различны. Психологические «этюды» главного героя, проверка его не разумом, а чувствами, ранее не свойственными Двоеурову, – одна из черт нового подхода к воплощению образов главных героев. Сама алогичность, непредсказуемость Мартынова знаменует собой новое начало в прозе Гиппиус, параллельное эстетическим поискам ее европейских современников-экзистенциалистов.

По нашему мнению, ключевую роль в таких переменах играет не столько включенность в европейский литературный контекст, не столько различие жанровых форм произведений (роман и «мемуары»), сколько смена приоритетов и новый экзистенциальный опыт автора. Фиксация мгновенных впечатлений, фрагментарные лирические, интуитивные переживания выражаются даже в привычном описании природных красот и соответствующих этому ощущений: «Горная дорожка. Белый Сонин шарф. Зеленые волны сплошных древесных вершин по склону, – над ними точно летишь. Солнце, солнце. Вот, уже пологие лучи скользят по зеленому морю. Кусты кизилловые, высокие кусты, темные. Под ними – прогретые солнцем, малиново-алые, палые ягоды. Они тогда и хороши, когда солнце насквозь процелует их нежное тело, убаюкает во мху, в темной колыбели»⁶.

Для рассказов Гиппиус эмигрантского периода характерно обилие метафор, так или иначе связанных с революцией и событиями, предшествующими эмиграции персонажей. В рассказе «Пестрый платочек», например, в главной героине – Тане – легко увидеть образ прежней, ушедшей России, а главного героя автор, вероятно, ассоциирует с собой. Об этом говорят признания героя: «Я видел Таню в последний раз в тот роковой год... когда в мире что-то переломилось; когда началась война. Почти десять лет. Таня пережила за эти десять лет все, что могла

пережить русская женщина. Жизнь разорвала нас – но не разорвала нашей связи. Я знал о ней все, она – обо мне. И редкие письма наши – точно мы и не расставались никогда, и почти слов не надо, – душа к душе»⁷.

То же самое можно наблюдать в рассказе «Дочки». Умершая мать девочек воплощает собой Россию, которая, хотя и умерла, но «жива где-то». Девочки знают и понимают, что маму нужно продолжать любить и помнить о ней, ведь она говорила, что они снова встретятся однажды, но уже «в другой жизни». Отец девочек собирается жениться на другой женщине, француженке, которая будет жить в комнате, где родила их мать. Сестры солидарны в своем мнении, что это «совершенно невозможно». И хотя мачеха – женщина хорошая, и ее хвалят все – папа, гувернантка, соседи, но маму девочкам она заменить не может. Они спят на кровати, на которой умерла мать, и каждый раз перед сном представляют ее живой и здоровой. Услышав от местного аббата, что их мама в каком-то смысле все еще жива, смотрит на них и любит их, девочки утвердились в мнении о невозможности появления новой «матери». Представлять, что мать все еще жива и верить в то, что однажды, может быть, в другой жизни, они встретятся вновь, – вот главная метафора отношения белой эмиграции к утерянной России, их любимой и «погибшей» стране. Ощущение скуки, которое описывают маленькие героини, повторяет настроение, которое звучит почти в каждом эмигрантском рассказе Гиппиус – так она называет ностальгию. Что-то «щемящее», «жалость-тяжесть-боль» в области сердца – так она описывает невыносимое страдание от утраты родины, память и любовь к ней, стремление найти ее, вот только, если она и жива, то «не здесь», «неизвестно где».

В рассказе «Николово пожелание» незамысловатая история о том, как детей русских эмигрантов няня повезла смотреть рыб и экзотических животных. Мальчик Сережа, рассмотрев «диких рыб», увидев обезьяну, расплакался оттого, что «музыка не играет» и «рыбы не пляшут». Метафорический смысл рассказа открывается в фразе: «Доволен, но ожидал, чего не нашел». Так описывает автор состояние эмигрантов, которые покинули родину в поисках лучшей жизни, но, даже благополучно устроившись, они понимают, что «все не то».

В этом же рассказе звучит важная в контексте темы эмиграции тема предопределения. Русская няня рассказывает детям историю о том, как у женщины родился долгожданный сын, о котором она молилась Николаю Угоднику, и как она «поручает» младенца этому святому. Спустя время ребенок умирает, и мать, забывшись от горя, упрекает Николая Угодника за то, что он не уберет «порученное ему дитя». Младенец воскресает и вырастает избалованным и злым человеком, который, в конце концов, пьяным

бросается на мать с ножом. Мать бежит от сына и встречает Николая Угодника в образе старичка, который объясняет ей, от какой судьбы он спас ее и младенца, не препятствуя его смерти. Женщина понимает смысл его слов и снова оказывается в прошлом, рядом с умершим ребенком. Брат с сестрой, слушая нянин рассказ, начинают плакать оттого, что младенец в итоге так и не воскрес, хотя сестра и пытается понять сама и объяснить брату, что так «ему (младенцу) лучше», что ему «было предопределение». Метафорический смысл этой притчи направлен на осмысление судьбы эмигрантов, для которых покинуть родину казалось равносильным смерти, однако лучше смерть, чем «псевдожизнь».

Здесь, как и в некоторых других рассказах периода эмиграции, акцент делается на нетипичном для Гиппиус, «детском» видении мира – непогрешимой вере в чудо и, возможно, неосознанной вере в обязательное спасение души. Новыми героями ее рассказов становятся дети, чей собственный взгляд на мир теперь лучше отражает надежду эмигрантов на спасение (возвращение на Родину) и веру в будущее. «Несправедливость», «Дочки», «Таня», «Ваня и Мэри», «Надя» – в этих рассказах явственно ощущается присущее теперь автору иррациональное начало, основанное не на фактах, а на слепой, «спасительной» вере. Интуитивность, а не опытные знания, надежда, призрачная, но дающая силы – таков теперь главный лейтмотив ее повествования.

В рассказах Гиппиус все чаще звучит тема времени, вечности, неразделяемого «сейчас» и «потом», «тогда» и «теперь». Автор рассуждает о времени так, словно его не стало или его значение утрачено, после роковых событий перестало быть важным, «когда это было». Теперь «все равно когда, вероятно давно...»⁸ Страх, гибель (причем моральная часто тождественна физической) – типичные для художественного мира Гиппиус экзистенциальные категории в этот период творчества. Писательница по-новому смотрит и на свое прошлое, на прежнее мировоззрение. Не случайно многие свои рассказы доэмигрантского периода она переиздает, внося в них различные

корректировки и изменения («Светлое озеро», «Старый керженец», «Женское», «Только две» и др.). Эмигрантский период творчества Гиппиус и, в частности, ее рассказы характеризуются стойким ощущением катарсиса, твердой и мужественной уверенностью в Божьем оправдании любого креста, несомого людьми.

Несмотря на звучащее в поздних рассказах убеждение в том, что эмиграция обрекает творческую личность на крах, сама З. Гиппиус до конца сумела сохранить свое литературное и человеческое достоинство. Ее декадентские настроения, «мстящие» и «гневные» нотки ее творчества постепенно сменяются подлинно человеческими, наполненными смирением, мудростью.

Язык ее прозы, тем не менее, остается прежним. Он, как и ранее, выверен и точен. Чувство слова никогда не покидает и не подводит Гиппиус, ее способность находить нужную, «звучащую» фразу или оборот, задающий тон всему рассказу, остается неизменной. Необыкновенная память, способность воспроизвести «былое» и воплотить в новых произведениях пережитые чувства и эмоции, донести до читателя всю палитру мыслей и ощущений – все это делает литературное наследие З. Гиппиус ценным источником знаний об одном из самых трагических и сложных периодов в судьбах русских писателей XX в. – их жизни за рубежом в период первой русской эмиграции.

Примечания

- ¹ *Осьмакова Н.* Единственность Зинаиды Гиппиус. URL: <http://gippius.com/about/osmakova-edinstvennost-gippius.html> (дата обращения: 12.08.2015).
- ² *Гиппиус З.* Собр. соч. : в 15 т. Т. 11. Вторая любовь : Проза эмигрантских лет. Рассказы, очерки, повести 1923–1939 гг. М., 2011. С. 93.
- ³ Там же. С. 275.
- ⁴ Там же. С. 276.
- ⁵ Там же. С. 106.
- ⁶ Там же. С. 130.
- ⁷ Там же. С. 30.
- ⁸ Там же. С. 37.

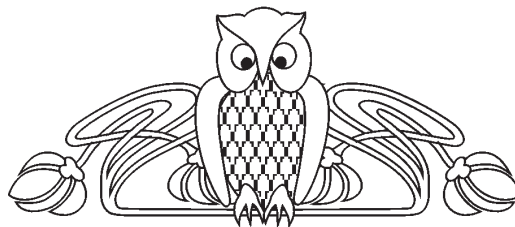
УДК 821.581.09Лу Синь

ЛУ СИНЬ В РОССИИ

М. В. Михайлова, Шэ Сяолин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: mary1701@mail.ru, 余晓玲 (Шэ Сяолин)shexiaolings@163.com

В статье рассматриваются подходы, обусловленные историческим контекстом, к изучению творчества китайского писателя Лу Синя в советском литературоведении 20–70-х гг. XX в., выявляются причины интереса к его наследию, дается анализ основных достижений российского лусиневедения, про-

водится сопоставление с аналогичными работами китайских ученых.

Ключевые слова: Лу Синь, литературоведение в СССР, критический реализм, социалистический реализм, классик китайской литературы.